

Библиография

1. *Нефедова Т. Г.* Многоукладность сельской экономики и хозяйственная самоорганизация сельских обществ // Отечественные записки. 2006. № 1. URL: <http://www.polit.ru/research/2006/09/19/nefedova.html>.

Е. Ю. Захарова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ГРУЗИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ УЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Относительно городской Грузии позднесоветского и постсоветского периодов можно говорить о правовом плюрализме, предполагавшем сосуществование официального государственного судопроизводства и медиаторского обычного правового способа разрешения конфликтов. Посредником в их урегулировании выступало лицо, в вынесении решений руководствовавшееся набором норм, которые в тбилисской уличной культуре обозначались как уличные или воровские понятия. В зависимости от серьезности конфликта и социального положения задействованных в нем участников это были либо квартальные лидеры, либо криминальные авторитеты — вору в законе или стоящие рядом в иерархии воровских статусов.

Раньше государство закрывало глаза на существование городского обычного права. С приходом же к власти М. Саакашвили произошло официальное признание существования в городе обычного права. Была объявлена борьба с понятиями и всей системой отношений, которая на них строилась.

При существовании альтернативного способа урегулирования конфликтов и подавления в тбилисской городской культуре

сформировалось негативное отношение к институтам государственной власти вообще и к органам охраны общественного порядка в частности. Однако в последние годы, после «Революции роз», можно констатировать изменение общественных настроений — увеличение доверия к государственным органам защиты правопорядка и снижение — к обычноправовым способам урегулирования конфликтов. В статье предпринята попытка через призму тбилисской уличной культуры рассмотреть некоторые особенности этого сдвига и выделить факторы, которые могли бы пролить некоторый свет на происходящие в обществе изменения.

Говоря о грузинской городской уличной культуре, я имею в виду вариант современной грузинской культуры, функционирующий и усваиваемый ее носителями прежде всего в городских квартальных сообществах. Один из ключевых институтов для соседского сообщества, а также для тбилисской уличной культуры в целом — мужские квартальные группы сверстников.

На улице системой координат, в рамках которой происходит определение правого и неправого, является уличный кодекс — уже упомянутые воровские или уличные понятия. Воровской мир и принятые в нем нормы еще недавно пользовались значительным авторитетом не только в городских уличных сообществах, но и в грузинском обществе в целом. Подростков, обладавших высоким статусом в квартальных сообществах и стремившихся к воровской карьере, называли *каи* или *дзвели бичи* (хороший или старый парень). Для обозначения набора качеств и стиля поведения, характерного и обязательного для *каи бичи*, используется термин *каи бичоба*. Другое понятие, имеющее исключительную важность в грузинской культуре, — это концепция *важкацоба*. Она суммирует представления о мужественности, мужской чести и, в отличие от *каи бичоба*, релевантна не только для улицы, но определяет образ «правильного грузина» вообще. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя концепциями мужественности в современной грузинской культуре, одна из них специфична для уличной культуры — это концепция *каи бичоба*, а другая — *важкацоба* — актуальна для грузинской культуры в целом. В позднесоветский и раннепостсоветский периоды эти две концепции настолько сблизились, что стали почти тождественны.

Воровской мир и нормы поведения пользовались уважением не только у подростков. Можно сделать вывод, что в грузинской культуре быть вором или быть близким к воровскому миру в указанный период было престижно. Фигура вора или квартального лидера, а также уличный (или воровской) кодекс, которого они придерживаются, рассматриваются как источник справедливости. Одновременно государству в справедливости отказывается.

Можно говорить о стойком неприятии официальных институтов власти и правопорядка, сформировавшемся в грузинском обществе в советские годы, особенно если учесть, что посты в государственных структурах всегда использовались теми, кто их занимал, для достижения неофициальных, недекларируемых целей (обеспечение личного благосостояния).

Сложению негативного образа государства и государственных правоохранительных органов способствовали достигшая своего пика коррупция и самоуправство, господствовавшие в полиции и судебных органах во время гражданской войны и в последующие годы. В этот период полиция фактически уподобилась бандам, действовавшим тогда в Тбилиси, однако банды подчинялись законам улицы и отрицали беспредел, а полиция была не ограничена в действиях и средств не выбирала.

Помимо доверия, государству отказывалось также в праве на монополию на силовой ресурс. Распространенность и доступность оружия после абхазской и гражданской войн обусловили ослабление позиций государства как обладателя исключительно права на принуждение.

Особенности правосознания, определявшие взаимоотношения с государственными органами контроля и подавления, в значительной мере связаны с представлениями о мужественности и чести в грузинской уличной культуре. Нужно учитывать, что отстаивание своей чести или чести близких, даже если используемые при этом средства идут вразрез с существующим законом, — неоспоримая добродетель мужчины.

Запрет на доносительство — краеугольный камень уличной культуры. Доносительство — одна из самых одиозных форм нарушения норм уличного кодекса. Именно нежелание доносить

является одной из важных причин отказа от обращения в полицию. Я попытаюсь прокомментировать это положение, исходя из некоторых позиций современной грузинской городской культуры.

1) В представлении ее носителей обращаться за помощью в решении своих проблем в полицию значит быть стукачом, причем заявление в полицию на анонимного преступника также трактуется как стукачество. Пострадавший находится с нарушителем в одном лагере противостояния государственным институтам принуждения. Нужно отметить, что обращение в полицию расценивается как стукачество не только в пределах норм уличного кодекса и ценностей *каи бичоба*, такая точка зрения распространена и в более широких кругах. Оно несовместимо с *важкацоба* — концепцией мужественности в широкой грузинской культуре.

2) Вторая причина отказа от обращения в полицию заключается в том, что уличной культурой оно трактуется как неспособность решать собственные проблемы. Тот же, кто неспособен сам за себя постоять, не *важкаци*, не мужчина. Нужно при этом отметить, что идее самостоятельности в решении своих проблем не противоречит возможность обращения к своему социальному капиталу. Именно отсутствие такового свидетельствует об упущении в биографии.

3) Отказ от обращения в полицию — это норма, уметь противостоять полиции — значит проявить особое мужество. Этот мотив звучит во многих интервью. Такое поведение одобряется культурой, оно достойно мужчины, свидетельствует о его мужестве и повышает престиж.

В последнее пятилетие — после прихода к власти М. Саакашвили — государство стало предпринимать показательные меры по борьбе с улицей и всей системой неформальных связей и теневой экономики, строящейся на понятиях.

Одной из важнейших мер, предпринятых властью в этом направлении, является принятие законов в области борьбы с организованной преступностью и рэкетом, карающих как членство в воровском мире, так и наличие воровского звания [1, ст. 223-1, поправка № 2937 от 28.04.2006].

Борьба с воровским миром является предметом обсуждения. С ее результатами, «с заменой авторитетов патрульной полицией» связывают увеличение на улице беспредела — неконтролируемого ворами бандитизма [2]. В то же время в сегодняшнем грузинском обществе распространены представления о значительном снижении уровня преступности и коррупции.

Наблюдения и данные интервью позволяют говорить о начавшемся процессе разочарования в воровском мире как источнике справедливости, что повлекло за собой разочарование и в воровских понятиях. Они перестают ассоциироваться с *важкацоба*, быть мерилom мужественности даже в уличной культуре. При разрешении конфликтов все реже апеллируют к нормам воровского мира, вместо «давай поговорим по-воровскому» теперь предлагают поговорить «по-мужски». Предложение об обращении к вору или другой фигуре, чей авторитет основан на близости к криминальному миру, как к медиатору теперь во многих случаях осмеивается.

Информанты осознают смену приоритетов среди молодежи, тот факт, что уличных понятий уже не придерживаются. Приведу пример из интервью: «Сейчас очень редко, потому что такое правительство, уже редко увидишь *дзвели бичи* на улице. Сейчас трудно встретить человека, который был бы настроен на эту идеологию» [3].

Библиография

1. Уголовный кодекс Грузии (25 января 2011 г., на груз. яз.).
2. *Kai bichoba*, воровские понятия — большая проблема Грузии, *kai bichoba, qurduli gageba, saqartvelos didi problema*, 2007. URL: <http://forum.ge/?f=19&showtopic=33708587&st=135> (дата обращения: 12.11.2007).
3. Тбилиси–2007. Архив интервью Е. Ю. Захаровой.